

Ю. Е. Грачева

Дерптский учебный округ в переписке императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота*

Дерптский учебный округ, включавший в себя территорию Лифляндской, Эстляндской, Курляндской и Финляндской¹ губерний, был одним из шести учебных округов, созданных по указу императора Александра I 24 января 1803 г. К этому времени в округе уже существовали различные по своему основанию и состоянию учебные заведения: «...казенные, дворянские, городские, смешанные казенные и городские и на особенных заведениях; в некоторых обучались одни мужчины, в других одни женщины, а в иных оба пола», всего более 40 школ². Самыми крупными из них были Дерптский университет и Академическая гимназия в Митаве — учебное заведение среднего типа, но с некоторыми особенностями высшей школы.

Делопроизводственные документы Министерства народного просвещения, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА), довольно подробно отражают процесс разработки и осуществления образовательных реформ начала XIX в. в том числе и в Прибалтийском округе. Однако в них есть определенные пробелы, закрыть которые возможно только с помощью привлечения новых источников. Особенную ценность в этой связи представляет обширный комплекс писем первого ректора Дерптского

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00162: «Император Александр I и профессор Г. Ф. Паррот: дискуссии о путях реформирования России».

университета Георга Фридриха Паррота и императора Александра I. Эта переписка, продолжавшаяся более двадцати лет (с 1802 по 1825 г.) и постепенно вводимая в настоящее время в научный оборот, содержит богатый материал по различным вопросам, связанным с развитием народного просвещения в Дерптском учебном округе³.

Личное знакомство Паррота и Александра I состоялось вскоре после воцарения императора и почти сразу же вопросы образования заняли ведущее место в их эпистолярном общении. Особое внимание дерптский профессор уделял университету. Его волновали и учебные, и хозяйственные дела: принятие университетского устава и правил для учащихся, студенческие волнения, финансирование и постройка университетских зданий. Часто в письмах затрагивалась тема Митавской гимназии и сложных взаимоотношений ее руководства с профессорами университета, а также в целом проблемы учебного округа. Однако стоит отметить, что все основные темы, связанные с Дерптским округом, в переписке Паррота с царем возникают в 1803–1807 гг., и эти темы вызывают живой отклик Александра I (его немногочисленные ответы на письма Паррота в основном касаются именно университета). Однако в 1810–1820-х гг. характер переписки изменился (после начала Отечественной войны 1812 г. Александр I больше не отвечал на письма Паррота), а дерптский профессор в эти годы уходит от тем, касающихся собственно учебного округа, переходя на обсуждение проблем общегосударственного уровня и жестко критикуя политику «двойного министерства» кн. А. Н. Голицына, а также деятельность некоторых членов Главного правления училищ, в частности М. Л. Магницкого, против которого было составлено целых две крупные записки.

Как уже не раз отмечалось в историографии, отличительной особенностью Дерптского учебного округа было наличие различных взглядов на положение и развитие народного образования у прибалтийского дворянства, финансирующего собственные учебные заведения, в том числе и недавно открытый университет, и приглашенных туда профессоров, что предусматривало надзор за ними со стороны кураторов, назначенных местным дворянством. Профессора же (в соответствии с немецкими университетскими традициями) не хотели и не были готовы даже в малой степени подчиняться власти кураторов⁴. В такой ситуации включение Дерптского университета в общеимперскую образовательную систему было единственным способом освободить университетских профессоров от опеки остзейского рыцарства. С этой целью осенью 1802 г. в Петербург был командирован проректор университета профессор физики Г. Ф. Паррот, который смог не только получить аудиенцию у императора и стать личным другом Александра I, но и добиться для всех российских университетов права автономии⁵.

Сразу после возвращения в Дерпт Паррот был избран ректором⁶ и вместе с другими профессорами занялся составлением нового университетского устава. Естественно, главными противниками этой активной деятельности стали

кураторы, исключенные Актом постановления из участия в делах университета. Пока комиссия из числа профессоров готовила окончательную редакцию проекта устава, уполномоченные лифляндским и эстляндским дворянством кураторы барон фон Фитингоф и И. Э. фон Унгерн-Штернберг обратились к министру внутренних дел В. П. Кочубею с просьбой о вмешательстве и о возвращении им прав, отнятых университетскими профессорами, «особливо о том, чтоб мы участвовали в сочинении статуты, которые окончательно постановят управление университета, основанного на иждивении нашем»⁷. Осознавая, что жалобы прибалтийского дворянства скоро дойдут до императора, Паррот решил заранее оправдаться перед Александром, пользуясь тем «особым доверием», которым император соблаговолил его почтить. «Дворянство Лифляндской губернии, — предупреждал профессор императора, — приготовилось к встречным требованиям, предвидя в наших правах опасности для тех привилегий, которые оно для себя отстаивает». Не имея возможности вернуть утраченные права, они нападали на нравственный облик членов университетской корпорации, «пытаясь представить, что при выборе профессоров, которые должны заполнить вакантные места, мы выберем лишь посредственностей, чтобы на фоне тех не казаться слишком незначительными»⁸. Также местное рыцарство обвиняло профессоров во вмешательстве в отношения между дворянством и их крестьянами.

В ответ Паррот получил от императора очень личное письмо (вероятно, содержащее какую-то тайну), которое по прочтении надлежало сжечь⁹. Это письмо доказало высокую степень доверия императора к ректору Дерптского университета, поэтому, как можно полагать, и в вопросе об уставе, который обсуждался в Главном правлении училищ, Паррот с этого момента стал действовать свободнее и настойчивее. Пять заседаний подряд (25 апреля, 2, 9, 23 мая и 6 июня) члены Правления читали составленный университетскими профессорами и представленный их союзником, новым попечителем Дерптского округа Ф. И. Клингером текст устава и почти в каждую главу ими были внесены различные исправления. О сделанных в министерстве замечаниях попечитель оповестил ректора, и Паррот сразу же после завершения учебного года в Дерпте приехал в Петербург.

Парроту было важно сохранить ряд статей устава, исключенных из него во время весеннего обсуждения в Главном правлении училищ. Поэтому по личному ходатайству попечителя на очередное заседание Правления, состоявшееся 27 июня, был приглашен как сам ректор, так и прибывший с ним профессор российской словесности Г. А. Глинка (видимо, в качестве переводчика). Паррот предоставил «объяснения на некоторые места устава, заключающие в себе положения, относящиеся собственно до местных обстоятельств того края и временем введенных обычаев в чужестранные университеты, от коих Дерптский более может заимствоваться, нежели прочие, учреждаемые в России. Вследствие чего некоторые из выпущенных статей, во уважение причин,

представленных г-ном ректором паки в проект устава приняты»¹⁰. На том же заседании был одобрен и штат Дерптского университета, за исключением единственной статьи. Паррот смог попасть и на следующее заседание Правления, где были заготовлены для высочайшего подписания «Правила для учащихся в Дерптском университете»¹¹.

Но делопроизводственные документы министерства не дают читателю полного понимания того, с каким сопротивлением столкнулся Паррот в отстаивании своего мнения. В чем-то профессор и сам смог убедить министра народного просвещения и его сотрудников, но все еще оставался ряд положений, с которыми в Правлении не соглашались. И тогда он опять решил действовать через императора. Объясняя свою настойчивость, Паррот писал: «Цель моей миссии требует, чтобы некоторые идеи, которые я должен представить в субботу утром Главному правлению училищ, перед этим были представлены для одобрения Вашего Величества. Речь не идет, сир, чтобы использовать Ваш авторитет между Главным Правлением училищ и мной. Мы почти по всем пунктам согласны; Правление, и особенно министр, кажется, очень довольны моей миссией. Но есть несколько пунктов, по которым Правление колеблется вынести свое суждение и по которым оно не считает себя необходимым дать официальное представление Вашему Величеству»¹².

Паррот настаивал на возвращении в штат университета исключенной статьи о пенсиях профессорам, а также просил запретить введенный дерптским магистратом и одобренный министром сбор за военный постой с профессоров, дома которых, согласно Акту постановления, от подобного поста были освобождены¹³. Дерптскому профессору не терпелось получить подписанный устав, но министр граф П. В. Завадовский не торопился его одобрять, чем вызывал у Паррота крайнее возмущение. В очередном письме царю он был «вынужден, несмотря на все усилия этого не делать, воззвать к авторитету Вашего Величества, в непосредственной борьбе между общественным благом (т. е. подписанием устава) и графом Завадовским. Уступая то тут, то там, Правление, министр и я, наконец, сошлись на том, чтобы утверждать Устав Дерптского университета статья за статьей, что определяет его внутреннее устройство, его деятельность, до тех пор пока опыт не откроет нам недостатки, которые необходимо исправить»¹⁴.

Казалось, что упорство Паррота принесло свои плоды: в его присутствии члены Главного правления училищ во главе с министром на очередном заседании 15 июля еще раз обсудили некоторые статьи устава, и он был «вместе с правилами для учащихся окончательно одобрен к подписанию и представлению Его Сиятельству Министру, который потом будет иметь счастье поднести оные Августейшему Государю Императору»¹⁵. Но Завадовский тянул с завершением этой работы, и Паррот подозревал его в желании дождаться отъезда дерптского ректора из Петербурга (который торопился в университет к 1 августа, началу учебного года), чтобы спокойно внести необходимые исправления

в окончательный текст. Паррот же, напротив, не собирался уезжать, не получив высочайше утвержденного документа, и внимательно следил за ходом работы Правления: так, он внес на обсуждение «Всеобщее начертание плана гимназий, уездных и приходских училищ Дерптского округа», приезжал к министру для отдельного обсуждения некоторых параграфов устава, которые «из-за нехватки времени не обсуждались определенным образом»¹⁶, но получить итоговый текст университетского устава никак не мог. Когда же ему все-таки передали немецкий оригинал текста, оказалось, что туда были внесены очередные исправления, с которыми дерптский ректор был категорически не согласен. Речь шла об уточнении категории лиц, принимаемых в университет: в проекте Паррота было записано, что «университет принимает в студенты людей всякого состояния», а министр решил дополнить: «всякого свободного состояния». С этой поправкой не согласились также и некоторые члены Правления, посчитав, что она может в «чужих краях подать повод к неприятным заключениям и толкам»¹⁷. Не выдержав, Паррот стал настаивать на отстранении Завадовского от дел Дерптского университета, прося царя передать право принятия решений специальной комиссии в составе Н. Н. Новосильцева и Ф. И. Клингера¹⁸. На такое резкое нарушение субординации Александр не согласился, но все остальные просьбы Паррота удовлетворил: специальным распоряжением было подтверждено освобождение домов профессоров от военных постоев и от дополнительных платежей за него. Также император одобрил увеличение штатной суммы на Дерптский университет из-за статьи расходов на пенсии профессорам, которая была выше, чем в остальных российских университетах¹⁹. Министру пришлось уступить, и в итоге 12 сентября 1803 г. устав Дерптского университета был подписан императором, а 17 сентября прочитан на торжественном заседании в Дерпте.

В это время университетские аудитории и учебно-вспомогательные кабинеты располагались в двух небольших помещениях: в доме фон Бока, отданном владельцем в бесплатное пользование университету на пять лет, и в доме барона Унгерн-Штернберга, который был куплен университетом после смерти барона в 1802 г.²⁰ Университет нуждался в новых удобных помещениях для официальных заседаний, занятий, библиотеки, квартир для служащих и многого другого. 8 июня 1803 г. из пяти дерптских профессоров была образована строительная комиссия, во главе которой стал профессор экономики, технологии и гражданской архитектуры Иоганн Вильгельм Краузе. Им были составлены и разработаны планы и чертежи многих построек на территории площади шведской церкви св. Марии, или «Домской горы»²¹. Постройка главного здания университета столкнулась с многими трудностями: недостатком рабочих рук и материалов на месте, высокими ценами, но главное — постоянно возрастающими денежными затратами, возместить которые можно было только из казны. При определении расходов на постройку учебных зданий в смету министерства народного просвещения была заложена сумма в 120 тыс. руб. на три года, но ее

уже в первые годы сильно не хватало. Дворянство остзейских губерний при основании университета пожертвовало часть средств на хозяйственные нужды, но после того, как университет перешел в ведомство центрального органа власти, в дальнейшем финансировании отказало. Более того, местная знать получила возможность обвинять профессоров университета и конкретно Краузе в чрезмерном расходовании средств.

Парроту неоднократно приходилось в письмах к Александру не только просить увеличить выделенные суммы на строительство первых университетских зданий, но и постоянно защищать честное имя профессора архитектуры, который к тому же относился к числу наиболее близких его друзей. «Честность профессора Краузе является безусловной для всей Лифляндии, и никто еще не осмеливался поставить ее под сомнение»²². Потребность в денежных средствах росла с каждым годом, и императору приходилось соглашаться на дополнительные расходы. Но как же возмутился дерптский профессор, когда до него дошел слух о том, что в университет из Петербурга собираются отправить комиссию для осмотра строящихся зданий. Такая проверка, при том что, по словам Паррота, попечитель постоянно получал подробный отчет о затратах на покупку материалов и стоимости работ, была бы «невероятным оскорблением» университета. «Немыслимой крайностью является беспокоить нас посреди строительства, пятная честь Краузе и всего университета — в Петербурге такую крайность не позволили бы себе по отношению и к менее известному архитектору»²³. Александр поспешил успокоить разгневанного профессора, говоря, что речь вовсе не шла о посылке комиссии по наблюдению за строительством²⁴. Это действительно успокоило Паррота, поскольку к этому вопросу он в своих письмах императору больше не возвращался.

Денежные средства нужны были не только на строительство первых зданий университета, но и на открытие и содержание гимназий, уездных и приходских училищ округа. Первоначально государство рассчитывало, что из казны будет взята только недостающая до штатной сумма²⁵, а основным жертвователем на учебные заведения Прибалтики станет местное дворянство и городские власти. Однако у Паррота были другие соображения на этот счет, в чем он попытался убедить императора. Во-первых, дерптский профессор не без основания считал, что как только правительство начнет отпускать деньги из казны, городские магистраты будут стараться как можно меньше направлять собственных средств на школы, поэтому было бы лучше сохранить эти пожертвования отдельно и потратить на другие нужды²⁶. И далее Паррот предложил грандиозный план: основать в Дерптском округе помимо утвержденных «Предварительными правилами» губернских гимназий, уездных и приходских училищ еще несколько типов школ — «начальные школы, о которых не было речи в общем плане»²⁷, отдельные начальные школы для девочек²⁸ и два вида приходских школ²⁹. На это Александр I своего согласия не дал и Парроту пришлось ограничиться преобразованием учебных заведений округа по утвержденным по-

становлениям. Сам профессор не раз посещал училища в ходе визитаторских поездок, самая яркая из которых (зимой 1805 г. Паррот присутствовал при открытии гимназии и уездного училища в Выборге) была представлена царю как успешный плод его реформ³⁰. По завершении же полного преобразования училищ округа университетские профессора получили от императора различные награды, а ректор Паррот — орден Св. Владимира 4-й степени³¹.

Но не все аспекты деятельности Дерптского университета вызывали у царя такое благоприятное впечатление. Дарование высшему учебному заведению Прибалтики права юрисдикции привело к тому, что на профессоров была возложена непосредственная ответственность за волнения в университетах. Студенты в Дерпте несли на себе отпечаток культуры студенческих корпораций немецких университетов того времени и вели себя достаточно вольно по отношению к горожанам. Пытаясь осенью 1802 г. добиться права автономии для Дерпта, Паррот клятвенно обещал Александру I, что университет станет его главным помощником³². Но буквально через год после начала учебных занятий до Александра стали доходить известия о различных беспорядках, драках и других неприятных выходках со стороны студентов. Первоначально Паррот защищал университетское начальство, которое, по его словам, делало все для воспитания студентов: «В наших публичных выступлениях мы никогда не забываем призывать студентов к добродетели и порядочности»³³. Жалобы же местных властей Паррот списывал на «злые и лживые инсинуации» лифляндского дворянства, которое «поклялось разрушить Ваш Дерптский университет»³⁴. Но волнения возникали раз за разом, что вызвало законное возмущение императора: «Учение в Дерпте зарекомендовало себя дурно из-за историй такого рода. Если это случится вновь, я буду вынужден лишить университет его судебной автономии, ибо я не потерплю еще раз подобных вещей»³⁵. Гнев Александра был вполне понятен — предоставляя Дерптскому университету корпоративные права, царь совершенно не собирался переносить на русскую почву негативные элементы немецких доклассических университетов, многие из которых были территориально близко расположены к остзейским провинциям. Сравнение же с уже действовавшими в 1803 г. на территории Российской империи Московским и Виленским университетами было также не в пользу Дерпта — там ничего подобного не происходило. Но ни очередное ректорство Паррота, который на этом посту обещал избавить императора от страданий из-за университета, ни пересмотр и ужесточение правил для студентов не изменили ситуацию — студенческие беспорядки повторялись, и Парроту пришлось в очередной раз корить себя за то, что не избавил императора от этих тревог³⁶.

Особенным вопросом, в котором вмешательство Паррота оказалось решающим, был вопрос об административном подчинении Митавской гимназии. Связан он был с общим противостоянием между прибалтийским дворянством, не желающим лишаться контроля над учебными заведениями округа и университетской профессорской корпорацией, пытающейся настоять

на установленной «Предварительными правилами народного просвещения» вертикали управления училищами, во главе которой стоял университет. Так, уже летом 1803 г. дерптский магистрат не допустил профессоров Моргенштерна и Паррота, осуществлявших визитацию учебных заведений Лифляндской губернии, для осмотра школ, «но отвечал самым оскорбительным образом на отношение университета, отрицая вместе всякое влияние его на городские училищные заведения»³⁷. И конечно, курляндское дворянство совершенно не хотело передавать управление над вторым по значимости учебным заведением округа — Митавской гимназией в руки дерптских профессоров. Эта борьба шла на протяжении нескольких лет и детально отразилась в письмах Паррота императору.

Академическая гимназия в Митаве была основана в 1775 г. курляндским герцогом Петром Бироном, в ней помимо обычных гимназических предметов преподавались также богословие и юриспруденция³⁸. В конце XVIII в. родился даже проект размещения в Митаве университета, который поддерживало курляндское и пильтенское рыцарство. Желая сохранить независимость от Дерптского университета, депутат от Курляндии барон Корф привез весной 1803 г. в Петербург прошение на превращение Митавской гимназии в университет. Против этого проекта резко выступил попечитель округа, и 7 марта 1803 г. Александр I наложил резолюцию на доклад министра народного просвещения: «По утверждении Предварительных правил Митавская гимназия должна пребыть в зависимости Дерптского университета»³⁹. Однако этот указ исполнялся плохо, и университет постоянно жаловался министру на самоуправство гимназии⁴⁰.

В 1805 г. курляндское дворянство обратилось с новой просьбой, уже на имя Н. Н. Новосильцева, «соблаговолить оставить Академическую гимназию как собственность Курляндской губернии», сохранив ее прежние права и имущества, а взамен основать на свои средства губернскую гимназию общего типа⁴¹. Рассмотрев это прошение, члены Правления ответили барону Корфу отказом. Было понятно, что местное дворянство любыми способами пыталось вывести существующую Митавскую гимназию из-под контроля центрального министерства и вместе с ним и Дерптского университета, чтобы через нее продолжать оказывать влияние на курляндское юношество⁴².

Следующую попытку законодательно сохранить уникальность учебного заведения в Митаве курляндское дворянство предприняло в 1806 г. Члены Митавской гимназии составили новый проект, в котором были перечислены «некоторые перемены и дополнения к ее штатному положению, потребные по местным обстоятельствам» и представили его на согласование Совету университета и далее попечителю Клингеру. Он, обращаясь за утверждением этих дополнений в Главное правление училищ, отметил, что «Совет сколько возможно старался менее уклоняться от общего устава учебных заведений, предоставляя сей гимназии такую степень, каковую дозволила польза само-

го дела»⁴³. Но даже одобрение поданного документа министром и разрешение преобразовать гимназию в соответствии с предлагаемыми переменами не положили конец конфликту между гимназией и университетом. В дело вмешался курляндский гражданский губернатор, уверенный, что он «имеет право препятствовать в преобразовании упоминаемой гимназии»⁴⁴. Тогда же через министра внутренних дел В. П. Кочубея министру народного просвещения было передано в третий раз прошение барона Корфа, который настаивал на «оставлении Митавской гимназии при прежних ее правах и преимуществах»⁴⁵. В этот раз члены Правления решили удовлетворить просьбу курляндской знати и согласились «восстановить Митавскую академическую гимназию в прежнее положение с тем, чтобы она находилась в зависимости Дерптского университета, и дворянство, по обещанию своему, учредило бы и содержало в Митаве гимназию, подобную прочим губернским гимназиям»⁴⁶.

Единственным, кто в Петербурге оказался недоволен этим решением, был попечитель Клингер. Он рассказал о состоявшемся заседании Парроту, который как раз в это время находился в столице и за несколько дней до этого лично виделся с императором. В отправленном 25 января письме дерптский профессор пожаловался Александру на членов Правления, обвинив их в том, что «большая часть сих господ не умеет держаться принципов и уступает просьбам с разных сторон» и что уже три года используют все возможные хитрости и коварство, чтобы добиться восстановления этой гимназии⁴⁷. Узнав же о том, что император утвердил мнение Правления, Паррот решил подробно изложить свою позицию.

Новое распоряжение царя, по мысли Паррота, оказалось нелогичным по ряду причин: во-первых, принятие «Предварительных правил народного просвещения», содержащих основы новой системы народного просвещения и устанавливающих четкую иерархию всех учебных заведений в Империи, автоматически ликвидировало власть городских магистратов над всеми школами округа. Если же будет предпринята попытка сохранить особые привилегии одной из этих школ, то тогда и остальные будут иметь право требовать себе такие же, да и сама система народного просвещения развалится. Во-вторых, университет в таком случае не сможет контролировать ни учебную, ни хозяйственную деятельность гимназии: «Когда профессор из университета захочет провести ежегодную визитацию (в предположении, что его вообще туда пустят), можно ли будет устранять злоупотребления, назначить недостающих учителей?» Далее Паррот прямо подчеркивал, что «дворянство Курляндии желает восстановить эту гимназию в ее прежней форме из ненависти против университета, чтобы им не пришлось посылать свою молодежь учиться в Дерпт». Фактически Паррот поставил Александра перед выбором: «...или подчинить Митавскую гимназию власти университета, или подписать новый план, которым бы этому заведению придавался бы весь возможный блеск, исходя из имеющегося финансирования»⁴⁸. И император услышал дерптского профессора!

Спустя день министру народного просвещения через Новосильцева было передано повеление «приостановить если еще можно, исполнение Высочайшего указа»⁴⁹. И поскольку по причине допущенной в канцелярии министра ошибки указ еще не был отправлен в учебный округ, исполнение высочайшего распоряжения было остановлено.

Однако это не помешало министру вновь поднять вопрос об устройстве Митавской гимназии на следующем заседании Правления. Несмотря на серьезные возражения попечителя, Завадовский повелел составить новый устав для курляндского училища, уравнив его в главных преимуществах с Демидовским училищем вышних наук в Ярославле⁵⁰. Подробное обсуждение проекта этого устава состоялось через две недели, и Паррот в письме к императору делился радостью, что его по просьбе Клингера допустили на заседание, и все замечания, сделанные попечителем в письменном виде на проект нового устройства гимназии, были удовлетворены⁵¹. Но радость Паррота оказалась преждевременной. Для Дерптского университета любые дарованные привилегии Митавской гимназии означали как ущемление его прав, так и нарушение единой имперской системы высших школ, ради утверждения которой и Паррот, и Клингер трудились уже несколько лет. Если же вспомнить, что университет должен был нести свет народу Прибалтики, то получалось, что остзейская знать выступала против прав народа.

Тем временем в 1807 г. были подготовлены два варианта устава Академической гимназии: один в столице членами Правления, а другой — в Митаве курляндским рыцарством. Несмотря на то что оба эти проекта подверглись существенной переработке в Главном правлении училищ, попечитель округа продолжал выступать категорически против предоставления Митавскому училищу исключительного положения. В ноябре 1807 г. замечания Клингера вместе с итоговым текстом устава было решено представить на утверждение императору. Необходимо было срочно донести до Александра другое мнение, отличное от мнения Завадовского и большинства членов Правления. И Паррот в очередной раз обращается к царю и описывает те пагубные последствия, которые наступят в случае одобрения представленного документа. Повторив доводы, которые ранее император признал заслуживающими внимания (ведь он приостановил действие уже подписанного указа!), Паррот решается на отчаянный шаг — он угрожает, что этот проект уничтожит Дерптский университет, в развитие и процветание которого Александр вложил столько сил и средств: «Именно таким способом, уговаривая Вас пойти на подобные уступки, желают добиться того, чтобы Вы Вашей собственной рукой разрушили бы Дерптский университет, который Вы сами создали с такими усилиями, и который потому Вам докучает, что он в действительности действует исходя из Ваших взглядов, создавая образовательную систему прочной и нерушимо противостоящей господствующему вокруг своеволию»⁵². Итог же дела оказался не совсем таким, на какой рассчитывал дерптский профессор — на всеподданнейшем докладе

от 18 ноября 1807 г. министр народного просвещения отметил: «Подлинный доклад и устав Академической гимназии в Митаве Государь Император изволил оставить у Себя»⁵³. Однако на этом попытки законодательно утвердить особый статус Митавской гимназии в царствование императора Александра I прекратились, и эта тема в письмах Паррота больше не поднималась.

Отдельно хотелось бы обратить внимание на общую позицию попечителя округа Ф. И. Клингера и профессора Г. Ф. Паррота по различным учебным вопросам, особенно ярко проявлявшуюся в противостоянии с местным остзейским дворянством. Попечитель оповещал дерптского профессора о ходе заседаний Главного правления училищ, ходатайствовал о разрешении ректору присутствовать на этих заседаниях, часто смягчал столкновения между университетом и министерством. И Паррот это ценил. В своих письмах императору он постоянно характеризовал попечителя как «храброго защитника», поставленного Александром на страже интересов округа, и не единожды предлагал его на пост министра народного просвещения: «Граф Завадовский очень болен, — писал Паррот еще в 1806 г. — Если он умрет, подумайте о том, чтобы Клингер заменил его. Нам нужна голова во главе этого министерства. При нем Дерпт расцвел и поднимался. При нем расцветут и поднимутся все русские университеты»⁵⁴.

Расцвета русских университетов в царствование Александра I Паррот так и не дождался, а наоборот, дождался реакционных мер в области народного просвещения в годы министерства А. Н. Голицына. Но стоит отметить, что именно Паррот предложил вступившему на престол в 1825 г. императору Николаю I план централизованной подготовки университетских профессоров, который нашел свое воплощение в созданном при Дерптском университете Профессорском институте⁵⁵.

Итак, представленная переписка императора Александра и профессора Г. Ф. Паррота не только содержит важные сведения, необходимые для правильной интерпретации документов из фонда Министерства народного просвещения, но и дает ответы на те вопросы, которые без этой переписки оставались неясными. Она помогает лучше уяснить ту ключевую для развития Дерптского университета роль личного общения между одним из его профессоров и императором Российской империи. Благодаря их дружбе вопросы народного просвещения в Дерптском округе имели сильного ходатая перед престолом. В своих письмах Паррот довольно четко определял круг вопросов, в которые посвящал царя, — вопросы утверждения приемлемого для профессуры университетского устава, ликвидации особых прав Митавской гимназии, увеличения финансирования со стороны казны и еще ряд более мелких вопросов было невозможно решить без вмешательства Александра I. Паррот постоянно подчеркивал, что Дерптский университет есть личное детище императора, который обязан его защищать, особенно от нападков со стороны прибалтийского дворянства, противостояние с которым красной нитью проходит через все письма дерптского профессора.

- ¹ Финляндская губерния находилась в составе округа до 1809 г.
- ² Отчет попечителя Дерптского учебного округа за 1803 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 260. Л. 56 об.
- ³ Черновики писем Г. Ф. Паррота Александру I находятся в Латвийском государственном историческом архиве (Latvijas Valsts vēstures arhīvs, сокращенно LVVA). Выражаю искреннюю признательность А. Ю. Андрееву за предоставление расшифровок тестов этих писем.
- ⁴ *Tamul V. Die Dörptsche Universität – Landes- oder Reichsuniversität? Zum Verhältnis von Deutschbalten, Stadt und Universität im 19. Jahrhundert // Zur Geschichte der Deutschen in Dorpat / Hrsg. von H. Piirimäe und C. Sommerhage. Tartu, 1998. S. 94; Андреев А. Ю. Император Александр I и профессор Г. Ф. Паррот: к истории возникновения «университетской автономии» в России // Отечественная история. 2006. № 6. С. 19–30; Гаврилина И. А. Ректор Г. Ф. Паррот и попечитель Ф. М. Клиндер: два взгляда на развитие Дерптского университета в первые годы его существования (1802–1803) // Клио. 2017. № 10 (130). С. 47–56.*
- ⁵ 12 декабря 1802 г. Александр I подписал «Акт постановления для Императорского университета в Дерпте». *Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 382–387.*
- ⁶ Г. Ф. Паррот был ректором Дерптского университета чуть больше трех лет: с 22 декабря 1802 по 1 августа 1803 г., с 1 августа 1805 по 1 августа 1806 г., с 1 августа 1812 по 1 августа 1813 г.
- ⁷ Письмо кураторов В. П. Кочубею от 20 апреля 1803 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 14. Л. 33–35. Получив это письмо, Кочубей препроводил его министру народного просвещения. Еще одно обращение кураторов было отправлено 6 мая 1803 г.
- ⁸ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от 16 апреля 1803 г. // LVVA. F. 4060. Arg. 1. No. 1084. Лр. 6–10.
- ⁹ *Андреев А. Ю. Переписка императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота (1802–1825) как источник по изучению политических реформ в Российской империи // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История РПЦ, 2019. Вып. 89. С. 75.*
- ¹⁰ Журнал Главного правления училищ от 27 июня 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 84 – 84 об.
- ¹¹ Журнал ГПУ от 4 июля 1803 г. // Там же. Л. 87 – 87 об.
- ¹² Письмо Г. Ф. Паррота Александру I накануне 4 июля 1803 г. // LVVA. F. 7350. Arg. 1. No. 6. Лр. 76 – 76 ор.
- ¹³ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I между 7 и 13 июля 1803 г. // Ibid. Лр. 73–75.
- ¹⁴ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от 14 июля 1803 г. // Ibid. Лр. 71–72а. На письме сохранилась приписка, что оно не было отправлено императору, так как в тот же день было объявлено об очередном заседании ГПУ.
- ¹⁵ Журнал ГПУ от 15 июля 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 7 – 7 об.
- ¹⁶ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от 14 июля 1803 г. // LVVA. F. 7350. Arg. 1. No. 6. Лр. 71–72а.
- ¹⁷ Журнал ГПУ от 8 августа 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 112 об.
- ¹⁸ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от августа 1803 г. // LVVA. F. 7350. Arg. 1. No. 6. Лр. 68–69. Стоит отметить, что похожая комиссия (в составе Н. Н. Новосильцева, А. А. Чарторыйского, С. О. Потоцкого и П. А. Строганова) обсуждала Акт постановления и согласилась со многими доводами Паррота в ноябре 1802 г.
- ¹⁹ Резолюция императора на всеподданнейшем докладе П. В. Завадовского от 29 августа 1803 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 14. Л. 47.
- ²⁰ *Петухов Е. В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования. Т. 1. Юрьев, 1902. С. 167.*
- ²¹ Там же. С. 212.
- ²² Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от 18 июня 1804 г. // LVVA. F. 4060. Arg. 1. No. 1084. Лр. 4 – 5 ор.

- ²³ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от 20 марта 1805 г. // LVVA. F. 7350. Apr. 1. No. 6. Лр. 125 — 125 ор.
- ²⁴ Письмо Александра I Г. Ф. Парроту от 28 или 29 марта 1805 г. // Там же. Лр. 7 — 13 ор., 29–35.
- ²⁵ По штату на училища Дерптского округа полагалось 118 тыс. руб.
- ²⁶ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от 18 июня 1804 г. // LVVA. F. 4060. Apr. 1. No. 1084. Лр. 4 — 5 ор.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от 23 сентября 1806 г. // LVVA. F. 7350. Apr. 1. No. 7. Лр. 26–27.
- ²⁹ Подробнее о попытке Г. Ф. Паррота создать особую систему приходских училищ см.: *Грачева Ю. Е.* Профессор Г. Ф. Паррот в борьбе за развитие начального образования в остзейских губерниях // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 101. С. 64–78.
- ³⁰ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от 14 января 1805 г. // LVVA. F. 7350. Apr. 1. No. 6. Лр. 132–133.
- ³¹ Резолюция Александра I на всеподданнейшем докладе П. В. Завадовского от 1 декабря 1806 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 53. Л. 116.
- ³² *Андреев А. Ю.* Российские университеты... С. 385.
- ³³ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от 11 декабря 1804 г. // LVVA. F. 4060. Apr. 1. No. 1084. Лр. 15–18.
- ³⁴ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от октября 1803 г. // LVVA. F. 7350. Apr. 1. № 6. Лр. 81 — 86 ор.
- ³⁵ Письмо Александра I Г. Ф. Парроту от 28/29 марта 1805 г. // Ibid. Лр. 7 — 13 ор., 29–35.
- ³⁶ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от конца мая 1806 г. // LVVA. F. 7350. Apr. 1. No. 7. Лр. 23.
- ³⁷ Журнал ГПУ от 25 июля 1803 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 2. Л. 105.
- ³⁸ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902. С. 91.
- ³⁹ Резолюция Александра I на всеподданнейшем докладе П. В. Завадовского от 7 марта 1803 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 7. Л. 34.
- ⁴⁰ Уже в ноябре 1803 г. члены Правления не без удивления рассматривали переписку гимназии с училищной комиссией университета, «изобличающую непокорливость Митавской академической гимназии» (Журнал ГПУ от 18 ноября 1803 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 2. Л. 149 об.).
- ⁴¹ Всеподданнейшее прошение барона Корфа // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 7. Л. 55.
- ⁴² При осмотре университета в 1804 г. попечитель Дерптского округа особо отметил, что в числе студентов нет ни одного юноши из Курляндской губернии (Журнал ГПУ от 14 июня 1804 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 3. Л. 33 об.).
- ⁴³ Представление Ф. И. Клингера в ГПУ от 7 июня 1806 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 7. Л. 95.
- ⁴⁴ Представление Ф. И. Клингера П. В. Завадовскому от 10 октября 1806 г. // Там же. Л. 97 об.
- ⁴⁵ Отношение В. П. Кочубея П. В. Завадовскому от 6 октября 1806 г. // Там же. Л. 154.
- ⁴⁶ Журнал ГПУ от 24 января 1807 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.
- ⁴⁷ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от 25 января 1807 г. // LVVA. F. 7350. Apr. 1. No. 7. Лр. 47 — 47 ор.
- ⁴⁸ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от 5 февраля 1807 г. // Там же. Лр. 52 — 53 ор.
- ⁴⁹ Письмо Н. Н. Новосильцева П. В. Завадовскому от 7 февраля 1807 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 7. Л. 193.
- ⁵⁰ Демидовское училище, основанное в 1803 г., имело особый статус, который ставил его выше гимназий Московского учебного округа.
- ⁵¹ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от 1 марта 1807 г. // LVVA. F. 7350. Apr. 1. No. 7. Лр. 60 — 60 ор. Стоит отметить, что в журнале заседания ГПУ от 28 февраля 1807 г. об-

суждение вопроса о Митавской гимназии не отражено, о нем мы узнаем только из этого письма.

⁵² Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от 23 октября 1807 г. // Там же. Лр. 81–82.

⁵³ Резолюция Александра I на докладе ГПУ от 18 ноября 1807 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 7. Л. 357.

⁵⁴ Письмо Г. Ф. Паррота Александру I после 19 мая 1806 г. // LVVA. F. 7350. Apr. 1. No. 7. Лр. 20–22. Это предложение дерптский профессор повторит через три года (Письмо Г. Ф. Паррота Александру I от 1 февраля 1809 г. // LVVA. F. 7350. Apr. 1. No. 8. Лр. 13 – 13 ор.).

⁵⁵ *Иванов А. Е.* Ученое достоинство Российской империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016. С. 147–157.

REFERENCES

ANDREEV A. *Imperator Aleksandr I i professor G.F. Parrot: k istorii vozniknoveniya "universitetskoj avtonomii" v Rossii* [Emperor Alexander I and Professor G.F. Parrot: concerning the origin of "university autonomy" in Russia. In Russ.] // *Otechestvennaia istoriia*. 2006. No. 6. P. 19–30.

ANDREEV A. *Rossijskie universitety XVIII – pervoj poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy* [Russian universities of the 18th – first half of the 19th century in the context of the University history of Europe. In Russ.]. Moscow, 2009.

ANDREEV A. *Perepiska imperatora Aleksandra I i professora G.F. Parrota (1802–1825) kak istochnik po izucheniyu politicheskikh reform v Rossijskoj imperii* [Correspondence of Emperor Alexander I and Professor G. F. Parrot (1802–1825) as a source for the study of political reforms in Russian Empire. In Russ.] // *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. 2019. No. 89. P. 67–82.

GAVRILINA I. *Rektor G.F. Parrot i popechitel' F.M. Klinger: dva vzglyada na razvitie Derptskogo universiteta v pervye gody ego sushchestvovaniya (1802–1803)* [Rector G. F. Parrot and curator F. M. Klinger: two views on the development of Dorpat University in the early years of its existence (1802–1803). In Russ.] // *Klio*. 2017. No. 10. P. 47–56.

GRACHEVA Yu. *Professor G. F. Parrot v bor'be za razvitie nachal'nogo obrazovaniya v ostzejskikh guberniyah* [Professor G. F. Parrot in the Struggle for the Development of Primary Education in the Ostsee Provinces. In Russ.] // *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. II: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. 2021. No. 101. P. 64–78.

IVANOV A. *Uchenoe dostoinstvo Rossijskoj imperii. XVIII – nachalo XX veka. Podgotovka i nauchnaya attestaciya professorov i prepodavatelej vysshej shkoly* [The scientific dignity of the Russian Empire. 18th – early 20th century. Training and scientific certification of professors and teachers of higher education. In Russ.]. Moscow, 2016.

PETUHOV E. *Imperatorskij YUr'evskij, byzhnij Derptsij universitet za sto let ego sushchestvovaniya* [Imperial Yurievsky, the former Dorpat University for a hundred years of its existence. In Russ.] Yuriev, 1902. T. 1.

ROZHDESTVENSTIJ S. *Istoricheskij obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education. In Russ.] St. Petersburg, 1902.

TAMUL V. *Die Dörptsche Universität – Landes- oder Reichsuniversität? Zum Verhältnis von Deutschbalten, Stadt und Universität im 19. Jahrhundert* // *Zur Geschichte der Deutschen in Dorpat* / Hrsg. von H. Piirimäe und C. Sommerhage. Tartu, 1998.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ю. Е. Грачева. Дерптский учебный округ в переписке императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 33–47

Аннотация: Статья посвящена начальному периоду осуществления образовательных реформ в Дерптском учебном округе, в которых принимал непосредственное участие первый ректор университета профессор Георг Фридрих Паррот. Вводимая в научный оборот переписка императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота позволяет выделить круг вопросов, которые вызвали наибольшее внимание дерптского профессора и которые требовали личного вмешательства императора. Благодаря личной дружбе, существовавшей между российским императором и Парротом, руководство университета смогло получить не только дополнительное финансирование из казны на постройку комплекса университетских зданий, но и добиться включения прибалтийских учебных заведений в общеимперскую систему управления образовательными учреждениями, исключив непосредственное влияние на них остзейского дворянства.

Ключевые слова: Г. Ф. Паррот, Александр I, Дерптский учебный округ, Митавская гимназия, университетский устав, учебные заведения.

FOR CITATION

Yu. Gracheva. The Dorpat School District in the correspondence of Emperor Alexander I and Professor G. F. Parrot // Petersburg historical journal, no. 3, 2022, pp. 33–47

Annotation: The article is devoted to the initial period of the implementation of educational reforms in the Dorpat School District, in which the first rector of the University, professor Georg Friedrich Parrott, was directly involved. The correspondence of Emperor Alexander I and Professor G. F. Parrot, introduced into scientific circulation, allows us to highlight the range of issues that aroused the greatest attention of the Dorpat professor and which required the personal intervention of the emperor. Thanks to the personal friendship that existed between the Russian emperor and Parrot, the university management was able to receive not only additional funding from the treasury for the construction of a complex of university buildings, but also to achieve the inclusion of Baltic educational institutions in the general imperial system of management of educational institutions, excluding the direct influence of the Ostsee nobility on them.

Key words: G. F. Parrot, Alexander I, Dorpat school district, Mitava gymnasium, university charter, educational institutions.

Автор: Грачева, Юлия Евгеньевна — к. и. н., доцент кафедры истории России историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Author: Gracheva, Yulia — Candidate of Sciences in History, Department of Russian History, Faculty of History and Philology, St. Tikhon's University for the Humanities.

E-mail: g.yuliya@mail.ru.

ORCID0000-0002-2220-9361